

А н т о н Б а х а р е в

ИЛЬИНКА

ГЛАВА 1. НАЧАЛО

Мы приехали в Ильинку в ноябре, когда уже случился минус двадцатник. Узбеки-гастарбайтеры, пахнувшие дымом, вышли из своей дээспэшной лачуги и загалдели, что им пора домой. Каждый год с наступлением морозов они возвращались в теплые края.

Сейчас в их глазах чернел ужас. Этой ночью большой рукотворный пруд продавил дамбу и утек в лес. Жили они прямо на берегу, вскочили от грохота и треска и выбежали в темноту, ничего не видя и не понимая. Теперь на месте пруда лежало одеяло льда размером со стадион, осевшее на дно и повторившее его рельеф. Узбеки вообще многое преодолевали. Их регулярно пытались поймать органы, приезжавшие сюда на «буханке». Гастарбайтеры разбежались по лесам и там пережидали облаву, сидя в сугробах на захваченных с собой кусках пенополистирола.

Я должен был набрать работяг из местных и продолжить стройку. Из области мне прикатили вагончик для жилья, выдали новую ватную спецовку, кирзачи с мехом, варежки и два пакета еды. Сказали: «Ну, командуй!» — и уехали.

Ну, и я стал командовать. Правда, не умел. Да и нечем было.

ГЛАВА 2. ГОЛУБОЙ ВАГОН

Ильинку называли по имени деревни, когда-то стоявшей неподалеку. От нее осталась пара серых исполинов-тополищ посреди кустов и мелколесья — на фоне черно-белого леса. Новая Ильинка появилась в распадке между Белой горой со знаменитым монастырем и горой соседней — Сибирячкой. А сам распадок звался Сучьей норой. Но это я узнал потом, когда познакомился с местным сель-

ским головой, увлеченным краеведом, и ходил с ним по окрестностям, строя планы по превращению базы отдыха в полноценный парк экоразвлечений и народных промыслов, с кучей рабочих мест.

А пока я просто лежал в вагончике, высунув из спальника нос, и охреневал от всего случившегося: ночь, глухомань, елки, снег, стройка — и я в 32 ее начальник. По Сучьей норе неся ветер, вылетал на ледяную равнину пруда и толкал туда-сюда мое четырехколесное жилище. Я засыпал и напевал: «Голубой вагон стоит, качается...»

Верилось в лучшее, как в песне.

ГЛАВА 3. БЫТ

Потом приехал главный инженер Димка. Его задачей было запустить бугельный подъемник, от которого пока стояли только опоры, уходящие к вершине Сибирячки. Подъемник был очень б/у, и Димка был вообще-то Дмитрием Васильевичем, так как возраст имел почти полувековой. Но выглядел в два раза моложе, потому что ни разу в жизни не курил и не пил. Я же сие пробовал неоднократно, но — загадка мироздания — тоже выглядел в два раза моложе.

Это мне неоднократно создавало трудности при общении с местными чиновниками, энергетиками, ментами, эмчезсниками, пилорамщиками и разнорабочими. То есть со всеми. Но примерно за полгода я их победил. Особенно когда весной мы заказали себе новые сногшибательные фиолетово-оранжевую спецовки, которые в местных весях были видны издали, а в придачу нам выдали сотый дизельный крузак для передвижения по всяким надобностям.

Но до того была еще целая зима, и мы принялись обустроить быт. Прочистили авеню к уличному сортиру, чтобы не вязнуть в сугробах, когда снег противно набивается в обувь на босу ногу и тает там, пока «думаешь за жысь» в надежде не обморозиться. Подлатали, протопили и помыли страшную и грязную банно-развалюху. Провели ревизию продуктов, расписали режим дня (это все Димка Васильевич) и договорились готовить по очереди. Кухонька была в вагончике, условия воспринимались как спартанские, но шикарные.

Неподалеку для сравнения чернел копчеными внутренностями дверной проем брошенной узбекской лачуги.

ГЛАВА 4. РОМКА

Мы кинули клич по местным селениям, и первым на работу пришел устраиваться Ромка. Другие мужики пока думали, потому что зарплату мы сулили небольшую. У них же не водилось никакой, но это все равно казалось им лучше, чем небольшая. У Ромки выбора не было: шестеро малых детей. С троими он взял жену, еще троих они быстренько соорудили вместе. И жил он недалеко, всего в полутора километрах.

Ромка был кряжист, рус, щетинист, светлоок, добродушен и почти беззуб. Богатырек, проигравший кариесу, потому что лечить было не на что. Каждый больной зуб Ромка терпел сколько мог, потом покупал бутылку водки, выливал в себя сразу стакан, вырывал зуб плоскогубцами и не спеша допивал остальное. Когда зубы не беспокоили, мог и не пить. Поэтому мы его сразу приняли главным разнорабочим.

Вечером небо становилось ясным, загорались огромные синие звезды. Мы с Димкой поселились в одном из двух купе нашего вагона, чтобы не включать два электрообогревателя, сжирающих все напряжение линии-временки. С моих нар сквозь продышанную прорубь в квадратном окошке была видна большая переливающаяся звезда, а с Димкиных — нет. Мы уже наговорились, но вот я увидел звезду и вспомнил, как смотрел на нее в детстве через бинокль. Столько времени прошло: она все там же, а я вон чо.

Вздыхая, рассказал об этом Дмитрию Васильевичу, а он в ответ сонно пробормотал: «Завтра Ромка придет, и будем опоры смотреть. Надо уже балансиры навешивать, и я, кажись, придумал, как их наверх поднять».

ГЛАВА 5. БАЛАНСИРЫ

Попробуйте вспомнить прожитые годы, скрупулезно описывая каждый конкретный день. Вот и я не умею. Поэтому думаю, что всю эту зиму мы навешивали балансиры. Это такая метал-

лическая херабора с колесами-роликами, которая крепится наверху опоры, и по ней ездит трос подъемника. Самые большие весили под 200 кг. Ромка прибывал к восьми утра, пил в вагончике чай, который называл чифирем, потом рассветало, и мы втроем тащили в гору на санях (корыте для раствора) очередной балансир.

Навешивание одной штуки занимало до двух дней. Техники у нас не было, но Димка придумал конструкцию, позволявшую нам с Ромкой канатом поднимать балансир на высоту шести-семи метров, хоть мы вдвоем и весили меньше. Сам инженер балансировал на верхушке опоры с гаечными ключами, прикручивал, стучал, откручивал и яростно матерился. А мы, распаренные как после бани, лежали в снегу, курили и весело смотрели на это дело.

Спускались домой в сумерках, глядя на белый в немислимо синих небесах сахарок Белогорского монастыря, который было видно, начиная со второй опоры подъемника. Температуры достигли минус 30 градусов.

ГЛАВА 6. КУРШЕВЕЛЬ

Соседство с монастырем мне нравилось. Колокольный звон, плывя в морозном воздухе, приносил какое-то нерелигиозное удовольствие. Кажется, давно я что-то читал об этом — а теперь чувствовал на себе. Но симпатии не были взаимными. Сверху нас презрительно называли куршевелем. Это я узнал от одного мирянина — бывшего авторитета, а теперь просто уважаемого человека на гелике. Ходил он, однако, с револьвером. Но мы не собирались становиться значным местом, и, кажется, мне удалось их убедить.

В Новый год я рыл глину в подвале гостиницы, чтобы проложить канализационные трубы. Потому что остальные работяги пили, а Димка уехал в город. Глину в цокольный этаж насыпали уже после возведения здания, когда увидели, что весной грунтовая вода поднимается по первый этаж.

Я взял треногу с прожектором и сквозь дыру в железобетонной плите спустился в сырую тьму. Включил свет и на карачках прополз к нужному месту, сверяясь с планом помещений и непечатно

вербализуя его экспликацию. И стал копать. На потолке блистали серебряные иглы, превращаясь в бриллиантовые капли — и я сметал их спиной. А отдыхая, слушал непривычный писк проснувшихся новогодних комаров.

Когда приехал Сан Саныч, мой друг и босс всея проекта, и спросил, как идет стройка, я сказал: «Вот, сосулек наотламывал и сделал заборчик возле крыльца вагончика — зырь, какая красота!» Творческий подход.

ГЛАВА 7. ПЛАНЫ

Проект «Ильинка» был бомбическим. Даже перечисленные захлеб, планы впечатляли. Деревня мастеров: гончары, берестянщики, резчики по дереву и все, кто делает что-то своими руками, — живущие в отдельных домиках вместе с семьями. Музей и выставочное пространство с панорамным окном на золотые купола монастыря. Самый большой в мире деревянный лабиринт по моим эскизам. Пешие и велотропы. Форелевое хозяйство. Вообще свое хозяйство: теплицы и минифермы, где, во-первых, гостям можно посмотреть, что яйца не растут на деревьях, а во-вторых, чтобы в меню кафе была только своя здоровая еда.

За что братья? Да за все. Для начала сторож построил курятник. В нем скоротечно пожил несколько куриц и замерзли на смерть. Требовалось подумать.

К весне нас стало уже человек семь. Но по факту получалось меньше, потому что пьянство было непобедимо. Получив любые деньги, аборигены предсказуемо пропадали. Я пытался с этим бороться.

Полностью текст можно будет прочитать позднее на нашем сайте www.new-youth.ru в разделе "Архив".